

THE IMAGE OF THE LATE ROMAN ARISTOCRAT ON THE LETTERS OF QUINTUS AURELIUS SYMMACHUS

A.A. Kotlyarova

The article discusses the image of the Roman aristocrat of the IV century on the letters of Quintus Aurelius Symmachus. Information on the activities and traditions of the Senate, the mores of the aristocracy and its position in society is presented.

Key words: Symmachus, letters, Roman aristocracy, traditions, image.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ ЭПИСТОЛЯРНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ (IV–VI ВВ.)

Е.В. Литовченко (Белгород)

В статье анализируется специфика позднеантичных коллекций писем с акцентом на композиционных особенностях корпусов писем. Исследуются причины популярности жанра эпистолографии в позднеантичный период. Автор приходит к выводу о том, что структура позднеантичных эпистолярных коллекций вполне соответствовала классическим образцам, отражая, тем самым, континуальные тенденции переходного времени. Необычайный интерес к обмену письмами в этот период объясняется попыткой противостоять дисконтинуальным факторам разного рода, имевшим место в позднелатинской культуре.

Ключевые слова: поздняя античность, эпистолография, коллекции писем, Плиний Младший, Сидоний Аполлинарий.

Одним из самых увлекательных и популярных вопросов современного антиковедения, по праву, можно считать анализ позднеантичных коллекций писем. Отдельные послания, целые их собрания или авторы и адресаты писем становятся предметами исследования как западных, так и отечественных историков и филологов¹. В данном

---

¹ См., например: *Collecting Early Christian Letters. From the Apostle Paul to Late Antiquity* / Ed. by B. Neil and A. Pauline. Cambridge, 2015. 276 p.; *Late Antique Letter Collection A Critical Introduction and Reference Guide* / Ed. by C. Sogno, B.K. Storin, E.J. Watts. Oakland, 2016. 488 p.; *Mathisen R.W.* Ruricius of Limoges and Friends. A Collection of Letters from Visigothic Gaul. Translated Texts for Historians. Vol. 30 / Transl. with introduction, commentary and notes by R.W. Mathisen. Liverpool, 1999. 272 p.; *Mratschek S.* Der Briefwechsel des Paulinus von Nola. Kommunikation und soziale Kontakte zwischen christlichen Intellektuellen. Göttingen, 2002. 732 S.; *New Approaches to Sidonius Apollinaris. C. Sollius Apollinaris Sidonius: Briefe Buch I* / Ed. by J. A. van Waarden and G. Kelly. Leuven, 2013. 397 p.; *The Letters of Symmachus: Book 1* / *Salzman M.R.*,

случае нас интересуют в большей степени структурные особенности коллекций писем, а также причины необычайного повышения интереса позднеантичных интеллектуалов именно к этому литературному жанру.

Хотя эпистолография как жанр оформилась значительно раньше, еще в Древней Греции, в разные периоды римской истории она также пользовалась популярностью¹. Так, в период с I в. до н.э. по II в. н.э. известны эпистолярные коллекции Цицерона, Сенеки, Плиния Мл., Фронтон и др. Результатом коллективного творчества данных авторов явилась разработка своего рода модели не только самого послания, но и корпуса писем в целом. Сформировался ряд стилистическим норм, окончательно «отполированных» риторикой.

Во-первых, специфика изучаемого явления заключается в том, что нет систематической или даже простой связи между коллекциями античных писем и биографическим или историческим повествованием. Как показывают исследования личностей – авторов коллекций, эпистолаг – не невинный архивариус: он не просто представляет какие-то письма, которые мог бы найти в своих записях и расположить в любом порядке. Его цель – саморепрезентация, а не всеобъемлющее эпистолярное собрание². Это означает, что письма специально отбирались для включения в коллекцию и структурировались должным образом.

Второе логично вытекает из первого – в большинстве корпусов посланий не соблюдается хронологический принцип. Установлением этого правила мы обязаны Плинию Младшему. Его система, так называемая «Плиниева модель»³, которую брали за образец большинство

Roberts M., trans. *Writings from the Greco-Roman World* 30. Atlanta, 2011. 215 p.; *Trout D.E.* *Paulinus of Nola: Life, Letters, and Poems (Transformation of the Classical Heritage)*. Berkeley, 1999. 122 p.; *Болгов Н.Н., Лопатина М.Ю.* Письма Энея Газского // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология. 2017. № 15 (264). Вып. 43(39). С. 39–46; Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 3: Письма Либания в русских переводах / Сост. Н.Н. Болгов. Белгород, 2015. 66 с. и мн. др.

¹ Исследования о древнеримской эпистолографии: *Lanham C.D.* *Salutatio Formulas in Latin Letters to 1200. Syntax, Style and Theory // Münchener Beiträge zur Mediävistik und Renaissance Forschung* 22. München, 1975. P. 89–94; *Cugusi P.* *Evoluzione e forme dell'epistolografia Latina nella tarda repubblica e nei primi due secoli dell'impero*. Roma, 1983. 291 p.; *Zelzer M.* *Die Briefliteratur // NHL*. 1997. S. 321–353 et al.

² *Late Antique Letter Collection A Critical Introduction and Reference Guide / Ed. by C. Sogno, B.K. Storin, E.J. Watts*. Oakland, 2016. P. 4.

³ *Gibson R.* *On the Nature of Ancient Letter Collections // Journal of Roman Studies*. 2012. Vol. 102. P. 67.

позднеантичных эпистологов, отвергала хронологию в пользу художественного разнообразия и тематического единства.

Сам Плиний говорит об этом так: «Я собрал их <письма>, не сохраняя порядок дат (так как это не история, что я мог бы написать), но таким образом, чтобы использовать каждое, которое попало мне под руку» (*Pl. Caes. Ep.* 1.1.1). Здесь Плиний, конечно, лукавит, поскольку тематический объединительный принцип у него не просто работает, а является ключевым. Так, например, в десятой книге, где подавляющая часть писем (*Ibid.* 10.15–121) относится ко времени пребывания Плиния на посту губернатора Вифинии-Понта, собрана вся переписка с императором Траяном.

Но самое поразительное – это первое послание первой книги и последнее – девятой. Последнее письмо (9.40), адресованное Фуску Салинатору (*Fuscus¹ Salinator*), предназначено для создания диалога с самым первым письмом коллекции (1.1), написанному Септицию Кляру (*Septicius Clarus²*). Здесь использован риторический прием антитезы – противопоставления. Читатель должен стать свидетелем того, что девять книг писем Плиния выражают путь от света к темноте – от рассвета коллекции до ее заката, от начала до конца (в результате возникает герменевтическая нагрузка на читателя).

Похожий принцип взял на вооружение и Сидоний Аполлинарий, начиная с того, что корпус его писем разбит на 9 книг³. Книги 6–7 объединяют так называемые «епископские» послания Сидония. Последнее письмо девятой книги (*Sid. Ep.* IX. 16) содержит множество аллюзий на первое письмо первой книги. Так, например, сохранены аллюзии с мореплаванием, а также намеки на существование завистников и недоброжелателей: «Я буду молчать, не выдам ни одного слова по поводу всяких пустяков, содержащих отклик на мои стихи, которым, конечно, удачно помогло общественное признание, гораздо более, чем мое мастерство. Такая популярность стала для меня якорем, брошенным в гавани общественного мнения. Я должен быть удовлетворен этим после завистливых брюзжаний всех Сцилл, через которые прошел мой корабль. Но, если зубы завистливых пастей этих сумасбродов не сожрут меня, том будет следовать за томом, все более наполненные мощным потоком моих писем⁴» (I. 1, 4). «...Мой корабль

¹ С лат. – темный, черный.

² С лат. – светлый, ясный.

³ Также конструируются коллекции Симмаха, Эннодия.

⁴ Полный перевод письма см.: Литовченко Е.В. Сидоний Аполлинарий. Письма (I.1; II.8; IV.12). Перевод // Классическая и византийская традиция. 2011. Белгород, 2011. С. 200–203.

проложил свой курс по морям прозы и стихов <...> теперь же я поднял весла и сложил паруса <...> Ревнивый хор моих врагов глухо грохочет, они рычат, как яростные собаки; но не осмеливаются ничего сказать открыто; они опасаются общественного одобрения, которое целиком принадлежит мне. Шипы злых языков бьют по корме, встряхивают киль и сотрясают борта моего корабля...» (IX. 16, 3).

Кроме того, согласно эпистолярным канонам Сидоний широко применяет риторические приемы: цитирование классиков (цитаты могут обрамлять письмо, открывать его или употребляться для подтверждения своих мыслей), использование шаблонов, гипербол, метафор (*Sid. Ep.* IX. 9, 16; I. 1, 4; 12. 1, *etc.*).

Содержание отходит на второй план, превращаясь в повод для проявления стилистического дарования, это вполне соответствовало веяниям времени. Восток и запад, образование и литература были буквально «заражены» риторикой, оторванной от реальности, поскольку система образования была сосредоточена на форме в ущерб содержанию, а главной задачей всей художественной культуры было повторять и переиначивать идеи прошлого¹.

Однако наличие таких негативных черт не умаляет популярности данного жанра. Широкое распространение эпистолярной практики, начиная с середины IV в. связано, прежде всего, с деятельностью риторской школы Либания². Здесь письмо становится одной из самых излюбленных художественных форм и служит как бы мериллом литературного таланта его автора. Теория эпистолярного стиля этой эпохи изложена в письме христианского писателя Григория Назианзина. Исходя из традиционных требований ясности, краткости, общепонятности эпистолярного стиля Григорий подчеркивает критерий соразмерности, а также обращает особое внимание на «очарование письма», понимая под этим определением, что любое письмо должно быть интересным (*Greg. Naz. Epist. ad Nicob.* 51–259).

Взросший в позднеантичном обществе интерес к «письмописанию» далеко не случаен³. Ряд конкретных событий должен был сойтись в этот период, чтобы создать условия, благоприятные для составления и сохранения эпистолярных коллекций.

¹ *Glover T.R.* Life and letters in the Fourth Century. Cambridge, 1901. P. 10.

² *Libanii Opera* / Ed. R. Foerester. V. 1–7. Lpz., 1903–1913. Libanius: Autobiography and Selected Letters, Vols 1 and 2. (Loeb Classical Library) / *A.F. Norman* (ed., tr.): P. 529; 486. Cambridge, MA and London, 1992.

³ Известны коллекции писем Симмаха, Иеронима Стридонского, Павлина Ноланского, Сульпиция Севера, Августина Гиппонского, Амвросия Медиоланского, Сидония Аполлинария, Фавста Риезского, Цезария Арльского, Руриция Лиможского, Авита Вьеннского, Эннодия Павийского и др.

Резкое расширение гражданской и военной бюрократии в Поздней Римской империи во времена тетрархии и правления династии Константина, вероятно, благоприятствовало распространению эпистолографического жанра. Эта бюрократическая экспансия имела ряд важных последствий для интеллектуалов.

Впервые представители провинциальной элиты смогли получить доступ к почестям и богатству, связанным с принадлежностью к имперской администрации. То, что ранее являлось «заповедником» для узкой группы римских сенаторов, теперь становится «ареалом» для более широкой группы имперской аристократии.

Таким образом, в IV ст. авторы эпистолярных коллекций из разных регионов империи берут на себя роль заместителей или продолжателей традиции распространения тех ценностей, которые провозглашались в коллекциях писем сенаторов II в. Плиния и Герода Аттика.

Эпистолография также служила средством, при помощи которого можно было продемонстрировать свою способность влиять на видных имперских лиц, принимающих решения. И, безусловно, посредством обращения к традиции литературного письма сохранялась связь поколений, особенно культивируемая новой провинциальной элитой, предпочитающей подчеркивать свою близость со старой, имперской.

В этом контексте, например, создана коллекция писем, датированных последними годами жизни Либания: она служила настоящей рекламой тесных связей антиохийских софистов с восточными и западными префектами, консулами и другими высокопоставленными чиновниками¹.

Еще одним важным обстоятельством явилось появление в IV в. слоя высокообразованных и политически опытных христианских епископов, подобных Амвросию Медиоланскому, деятельность которых способствовала собиранию христианских эпистолярных коллекций². Христиане использовали письма для утверждения и, в большей степени, распространения своих духовных ценностей. Кроме того, они также стремились подчеркнуть свои личные (близкие) отношения с известными интеллектуалами; заметно, что эти высокообразованные епископы наслаждались данным фактом.

Мы можем также определить еще несколько важных факторов, способствовавших расцвету интересующего нас феномена: престиж риторического образования как технологии власти (здесь имеется в виду, что красноречие и риторические навыки снабжали соответству-

---

¹ Late Antique Letter Collection... P. 7.

² Об этом см. *Collecting Early Christian Letters. From the Apostle Paul to Late Antiquity* / Ed. by B. Neil and A. Pauline. Cambridge, 2015. 276 p.

ющими «техническими» умениями, которые делали возможным осуществление властных функций) и расцвет риторических школ по этой причине; засилье варваров, само по себе стимулирующее стремление поддерживать латынь и образованность, рафинированную классическую культуру; расшатывание норм классической латыни (латынь в среде варваров, упрощенная вульгарная латынь для проповедей), стимулирующее упражняться в изощренных лексических построениях (использование архаизмов, неологизмов, сложных конструкций).

И, наконец, еще одна причина – поддержание дружеских отношений в ситуации, когда реальная (физическая) коммуникация была затруднена из-за действий варваров, разбойников, плохого состояния дорог, – стало возможно посредством обмена письмами, которые связывали души (см., например, письма Руриция (*Rur. Epp.* 1.1; 2.10, 52). Это актуально, прежде всего, для христианских литераторов. Душа вообще была одним из главных дискуссионных предметов в области теологических рассуждений IV-V вв.

Так, в посланиях Авита и Руриция души друзей часто, так или иначе, преодолевают физическое разделение (*Rur. Epp.* 1.6, 9, 10, 18; 2.1, 2, 3, 4, 10, 32, 52; *Avit. Epp.* 50, 52, 77, 78, 79, 93).

В качестве иллюстрации к данной сентенции как нельзя лучше подходит фрагмент из письма Руриция: «<...> Мы, изыскивая малейшую оказию для обмена посланиями друг другу из-за нашего обоюдного душевного расположения, не должны пренебрегать возможностью <послать весточку>, с тем, чтобы наша переписка представляла бы для нас способ реального присутствия, <ибо> послание, как связующее звено: оно отослано, но не утрачено, оно отдано и все же сохранено, оно кажется отправленным и все еще не ушедшим, оно отослано мной и получено тобой, оно написано мной и прочитано тобой, и оно не <существует> отдельно, <само по себе>, оно полностью в наших сердцах, потому что, подобно божественному слову, оно передается и не уходит, оно даруется нуждающимся и остается с автором, как дар для получателя без потери для дарителя, обогащая нищего, не обедняя <при этом> господина. <...> расстояния между <нашими> краями не препятствуют нежности нашей любви, потому что тех, кто любит каждого в Господе, присутствующем повсюду, не следует считать разделенными телесно, поскольку они одинаково соединены в одном душе...» (П.36)¹.

---

¹ Полный текст письма см.: *Литовченко Е.В.* Письма Руриция Лиможского к Цезарию Арелатскому (506 год), П.33 и П.36 (вступительная статья, перевод и комментарии) // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 1(41). С. 136–147.

Таким образом, мы выяснили на примере сопоставления корпуса посланий Плиния Младшего и Сидония Аполлинария, что структура позднеантичных эпистолярных коллекций вполне соответствовала классическим образцам, отражая, тем самым, континуальные тенденции переходного времени.

Что же касается всплеска популярности эпистографии в этот период, то он объясняется попыткой противостоять дисконтинуальным факторам, имевшими место в позднелатинской культуре и определившим в совокупности с законсервированными классическими чертами специфический облик позднеантичной эпохи.

ON THE SPECIFICITY OF THE LATE ANTIQUE LETTER COLLECTIONS (4-th – 6-th AD)

E. V. Litovchenko

The article analyzes the specifics of Late Antique letter collections with an emphasis on the compositional features of letter corpuses. The reasons for the popularity of the epistolography genre in the Late Antique period are studied. The author comes to conclusion that the structure of Late Antique epistolary collections was fully corresponded to the classical samples, thereby reflecting the continual tendencies of the transition epoch. The unusual interest in letters writing during this period is explained by an attempt to resist the discontinuous factors of various kinds that took place in the Late Latin culture.

Key words: Late Antiquity, epistolography, letter collections, Pliny the Younger, Sidonius Apollinaris.

ПАВЛИН НОЛАНСКИЙ: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ БЛАГОЧЕСТИВОГО ХРИСТИАНИНА

Д.А. Астахова (Белгород)

В статье рассматривается жизненный путь св. Павлина Ноланского. Также рассматриваются причины кризиса идентичности, основные этапы деятельности.

Ключевые слова: Павлин Ноланский, кризис, жизнь.

С распространением христианской религии в римском обществе, а в дальнейшем и с его легализацией Константином I, увеличивалось количество последователей христианства, среди которых и был Павлин Ноланский.

Понтий Меропий Аниций Павлин родился около 353 г. в городе Имбромагум, в семье римского сенатора, префекта провинции Акви-